

РОДСТВЕННИКИ ШАЛЯПИНА

На кого ж ты спирикаешь,
Милый друг, меня?..
Как я жить буду,
Когда зима придет?..

Это уже не сестры поют. Обе сидят в колхозном клубе. Зал переполнен, люди слушают Федора Ивановича Шалапина: «Эх ты, Ваня...» «Записано со слов моей матушки...»

Медленно вращается пластинка, и каждый о чем-то думает. О чем? Может быть, в эти минуты люди представили себе эту простую женщину, крестьянку Вожгальской волости Авдотью Прозорову?..

«А внешне мать была женщиной, каких тысячи у нас на Руси: небольшого роста, с мягким лицом, сероглазая, с русыми волосами, всегда гладко причесанными, — и такая скромная, малозаметная...»

Жалел я ее. Это был для меня единственный человек, которому я во всем верил и мог рассказать все, чем в ту пору жила душа моя...»

Не дожидая Авдотью Михайловну до славы своего Феда. Умерла она 42 лет в Самаре от тифа. Умерла в большой бедности. В голоде и безденежье пребывал в это время и 17-летний Федор Шалапин, только лишь начинавший свой путь артиста с какой-то бродячей опереттой. Не смог он ни выехать, ни выслать денег на похороны. Но позднее, будучи уже широко известным певцом, Шалапин приехал в Самару и решил во что бы то ни стало найти могилу своей матери.

«Но никто — ни кладбищенский сторож, ни причт церковный — не мог сказать мне, где хоронили бедных из больницы в год смерти матери... Только какой-то священник отвел меня в угол кладбища, заросший сорными травами, и сказал:

— Кажется, здесь...»

Я заплакал о матери, взял комочек земли...»

— И вот представляете: эту землю он сберег. Он взял ее с собой, когда уехал за рубеж... Ее посыпали ему в гроб...»

Внимательно слушают колхозники рассказ Ирины Федоровны об отце и его родителях.

— Не захотел жить Иван Яковлевич Ша-

ляпин в Москве у сына: «Скучно у тебя, никакого веселья». И вернулся домой, но не в Казань или Самару, где жила семья последние годы, а в родную вятскую деревню Сырцево. Здесь он решил строить себе дом, но присланные сыном деньги пропал, а вскоре тяжело заболел и умер. Умер в Вожгальской больнице, куда его определил сын: Федор Иванович приезжал в Сырцево незадолго перед смертью отца. Один из старожилых этих мест, ныне врач из Верхосунья Иван Семенович Синкин, приехавший специально на встречу со мной, показал нам на Вожгальском кладбище место, где был захоронен Иван Яковлевич. В 1921 году, вспоминает он, здесь был памятник, а к нему прикреплена дощечка с надписью: «Ивану Яковлевичу Шалапину от сыновей Федора и Василия».

О многом еще рассказала в этот вечер Ирина Федоровна вожгальцам: и о дружбе певца с А. М. Горьким и другими деятелями литературы и искусства, и о Шалапине, как певце и артисте, и о судьбе своих братьев и сестер, и о своей последней встрече с отцом...

Около двух часов длилось выступление актрисы. Собравшиеся близко к сердцу восприняли ее стремление увековечить память гениального певца и открыть в Москве музей Ф. И. Шалапина к 100-летию со дня его рождения.

НО ЭТО особый разговор. Расскажем, со слов актрисы, еще об одной родственнице певца.

— У матери Федора Ивановича была родная сестра Прасковья Михайловна. Жила она тоже в Вожгальской волости. Иногда приезжала к нам в Москву, в гости. Я ее очень хорошо помню. Была она небольшого роста, с мелкими чертами лица. Веснушечки на лице. Русые волосы. Повязана в черный с мелким цветочком платок. Носила широкую в сборку юбку и поверх ситцевую кофту на выпуск. На ногах зимой, конечно, валенки.

Очень она любила пить чай. И по деревенскому обычаю, напившись, опрокидывала чашку на блюдечко, а сверху на доньшко клала кусочек сахара. Это означало: напи-

лась, больше не угощайте.

Как-то мне отец сказал: «Посмотри на тету Прасковью: она ведь очень похожа на мою мать». Так что какое-то представление о своей бабушке я имела, глядя на Прасковью Михайловну.

Однажды отец получил от нее письмо. Его я недавно совершенно случайно обнаружила в архиве отца. Привезла с собой и сейчас прочту:

«16 сентября 1902 года. Дорогой племянничек Федор Иванович! Если ты меня, свою старушку, с дочкой приглашаешь к себе, то пришли нам денег на дорогу. Мы высчитали: приблизительно стоимость дороги выйдет для нас 25 — 30 рублей в один конец. Сообщи нам точно свой адрес, а то не всякий извозчик знает, где ты живешь.»

Феклиньку еще не выдали, ждем весточки — разъяснения от тебя. Кланяемся тебе, желаем успеха во всех твоих делах. Гордимся таким родственником. Когда мы попросили в городе Вятке одного образованного человека написать тебе это письмо, то он очень удивился, что у нас такой важный родственник. И сказал, что он принадлежит к числу поклонников Шалапина. «Впрочем, — добавил от себя, — кто же не поклонник Ваш?»

Адресовать ответ нужно тоже в деревню к нам, а не в Вятку, откуда послано письмо. Тетка Прасковья, как и моя бабушка, была совершенно неграмотна.

Встреча в колхозном клубе подходит к концу.

— Степан Михеевич, Константин Григорьевич, идите сюда! — зовет гостя.

К Ирине Федоровне подходят кузнец Шалапин и ветеран колхоза «Красный Октябрь» К. Г. Лалетин. Гостя вручают обоим памятные подарки — наборы пластинок с записью голоса Федора Ивановича.

— Спасибо, сестра!

Вожгальцы преподносят гостю книгу: «Ветераны колхозного строя». В ней рассказывается о лучших вожаках советской деревни, о ветеранах колхозного строя, в том числе и о Петре Алексеевиче Прозорове. Пятиклассница Лена Коньшева подарила актрисе от имени пионеров Вожгальской средней школы книгу В. Лебедева «Вятские

И. Ф. ШАЛЯПИНА.

записки». (Кстати, эта Вожгальская школа была построена в начале века также при содействии певца.)

Последние минуты прощания. Аплодисменты, теплые пожелания, автографы.

— До свидания, сестрица!

— До свидания, Степан Михеевич, до свидания Настя.

— Летом к нам приезжай, — это голос Ани Михеевич. — По грибы пойдем.

— Вас всех приглашаю в Москву...

Перед отъездом в столицу на Кировском вокзале Ирина Федоровна сказала:

— Я прошу принять мой самый искренний, самый горячий привет, пожелания счастья, огромной удачи, успехов всем Кировчанам-вятичам и особенно, конечно, колхозникам «Красного Октября».

Е. ЗУБАРЕВ.